

«ДАЖЕ если Надя, как это часто бывало, снова окажется немногословной, я лично ничуть не расстроюсь: все, что она может сказать, она скажет своим танцем...» Вот что читаю в одном из писем.

Она и вправду все больше молчит. Молчит и глядит в запотевшее окно.

И тогда я вспоминаю, как листал вчера в библиотеке старые, сладко пахнущие пылью подшивки, разглядывая в газетах «тогдашние» фотографии Нади Павловой. Десятилетней давности. Художца девчонка. Маленькая, как паж. С легкомысленным хвостиком, перетянутым шнурком на затылке. В гольфиках, с острыми коленками. Она идет получать свой самый большой приз в жизни — Гран при — и выглядит так, что трудно понять: то ли она безмерно счастлива, то ли она страшно трусит.

Такое вот фото. Потом их было много, этих снимков. Просто уйма. И вечная толпа настырных репортеров с блокнотами и фотокамерами. «Девочка, поверни голову правее: так ты будешь выглядеть эффективнее. Ну, поверни же голову, девочка!» А девочка голову не поворачивала. Потому что не хотела выглядеть эффективно.

«Правда, замечательная осень?» Она пожимает плечиками.

Она любит май. Повлажневший по утрам асфальт перед Большим. Большой в мае — это чудо. Вам не кажется; эти колонны — их точно умыли после ремонта? Особенно здорово здесь девятого числа. Полно народу, и все поют. Здесь никогда так не поют, как в мае. А та лавочка сидит непременно какой-нибудь старшина в застиранной гимнастерке и плиссированной юбке, жует эскимо и охотно дает посмотреть почти желтое фото: нарезанная девочка в лиху сдвинутой на брови пилотке. Неужели это вы? Я, гордо отвечает старшина. На фото вы выглядите чудесно, говорит она ей. То есть как это на фото? — преувеличенно серьезно обнимает старшина. — А сейчас? Ради бога, извините. Сейчас вы просто бесподобны. То-то же, удовлетворенно говорит старшина, а потом не выдерживает и хохочет. И она хохочет вместе с ней. И хочется ей танцевать. Не обязательно на сцене. Вполне можно и под этой вот сиренью. Они пахнут весной, эти деревья в скверике у Большого. Честное слово, они пахнут весной даже в час пик, когда кругом полно машин и выхлопных газов. Вот что такое май.

Вы, все читатели, спрашивали — чему она училась все эти десять лет после Гран при? Так вот, считайте, что она училась танцевать май...

Его задают неспроста, этот вопрос. Ведь тогда, в начале семидесятых, многие искренне недоумевали: «Неужели этой девочке нужно еще целый год заниматься в хореографическом училище? Ведь она готовая балерина экстра-класса!»

Для балерины экстра-класса у нее и в самом деле было, кажется, все. Ее знаменитый большой батман изобразили даже на коробке конфет, специально выпущенной в ее честь какой-то кондитерской фабрикой. И не менее знаменитое ее фуэте на пувзрящихся после дождя афишах — поверх вылинявшей рекламы заезжего гипнозистера («Что такое глаза гипнозистера в сравнении с глазами этой девочки!») Гениальный прыжок и столь же гениальный шаг. «Технические успехи этой балерины настолько очевидны, что порой кажется: единственное, что ей еще недоступно — полететь над сценой. Но,

может быть, ей удастся и это?..» Это тоже из письма нашего читателя.

Нет, она не полетела. Она танцевала ту же Китри из известного балета «Дон Кихот». Только сначала юная Павлова танцевала юную Китри. Потом Павлова выросла, а Китри, казалось, оставалась все той же — юной и немножко взбалмошной. И тем не менее это уже тоже другая Китри. И Фригия из «Спартака» — тоже другая. И дело не

головами старушек билетерш.

Ей потом рассказали об этом и посочувствовали: вот шалопай, чуть спектакль не сорвали. А она была счастлива, как ребенок. Она ходила весь следующий день, точно шальная, и в голову приходили самые нелепые фантазии и желания: взять и продемонстрировать, к примеру, большой батман прямо на автобусной остановке. «Быть может, оттого меньше счастливы, что разучились делать

я добросовестно силуюсь соорудить, чем же в самом деле могут быть человеческие руки. Руки — это украшение, говорит Сахарова Леночке. Но к тебе это совершенно не относится. У тебя это не украшение, а по меньшей мере нечто странное, говорит Сахарова, а мне кажется, что бедняга девочка сейчас разревется.

Чуть позже мы сидим в ее кабинете худрука, и я невольно отвожу взгляд в сторону, на сохнувшие на батарее паро-

бы не проснуться и от грохота пушки.

Она и сейчас такая же — «неудобоваримая» Павлова. Она ничуть не изменилась. «Ведь наверняка вы пишете стихи, Надя?» «Нет, — отвечает она. — И на гитаре тоже не играю». «А при чем здесь гитара?» — обижается на нее. «А при чем здесь стихи?» — говорит она. — Я — балерина».

Она балерина. Балерина Надежда Павлова. Такая ровная и такая разная. Она может мужественно дотанцевать концерт одна, когда вдруг партнер с порванным ахилловым сухожилием укачет за кулисы на одной ноге. Она будет танцевать так, что никто, в общем-то, ничего и не заметит. А если и заметит, то, должно быть, решили, что, пожалуй, это постановщик решил поориентальничать и заставил Спартака исчезать столь неожиданным образом. Она танцевала одна — Фригия без Спартака. Она сильная женщина, эта Павлова, говорят о ней.

И это правда.

Но та же Павлова может в антракте ко всеобщему недоумению вдруг совершенно неожиданно разревется. Просто так, без видимых, казалось бы, на то причин. Она слаба, как всякая женщина.

И это тоже правда.

После каждого спектакля она получает огромные букеты от восторженных поклонников — маленький счастливый паж, шмыгающий растроганно носом в эту кучу цветов. Но бывает и так, когда она выходит из подъезда театра поздно вечером после неудачного спектакля, и ее трясет — укутанную с головой в любую, самую теплую шубку. И тогда она снова похожа на маленького пажика, только уже невероятно несчастного, которому хочется бросить все на свете.

«Вы не обращайте, пожалуйста, внимания. Я просто устала. Устала, и все. Совсем чуть-чуть. Ведь я и дня не смогу прожить без всего этого: без свертка этого с кучами прелых листьев. Без этих свежеструктурных колонн. Без Большого. Без сцены. Без пыли ее. Вы не улыбайтесь: именно так были! Ведь она совсем разная, пыль на каждой сцене. На какой-то сладковатая. Как вальс древние подшивки. (И была вам нужна рыться в них!). На какой-то, напротив, горьковатая. А то — слезная. Совсем разная пыль. После спектакля я выжидаю, когда все уйдут, и в зале, и на сцене не останется ни единой души. Одна только дежурная лампочка на сцене. И вот тогда я иду по сцене. И слышу этот запах. Однажды прошла, и было что-то не то. Я потом узнала — перестелили сцену».

Павлова выступает везде: на сценах великолепных дворцов и в красных уголках заводов, на срочно сооруженных по такому случаю подмостках. На последних, кстати, ей приходится танцевать даже чаще, чем на первых. Однажды она танцевала в таком вот красном уголке с повышенной температурой. Зачем? — удивленно спросили у нее потом знакомые. Павлова возмутилась: то есть как это — зачем? Она обещала выступить перед людьми, для которых данное слово всегда было законом, и в труде прежде всего.

Она труженица. И еще — в ней всегда живет чувство долга. Вот что, пожалуй, в ней главное.

...Читатели спрашивают и спрашивают о Наде Павловой. На все вопросы словами не ответить. Не все слова еще придуманы. Вместо них существует танец.

НАДЕЖДА

Этот снимок балерины Большого театра Надежды Павловой вы уже видели в «Комсомольской правде». Напечатав его, мы предложили вам, читатели, задать ей вопросы. Письма шли со всех концов нашей страны.

«Здравствуйте, дорогая редакция! Огромная просьба: познакомьте с Надей Павловой!» «Расскажите о Наде подробнее». «Каждый день жду материала о Павловой!» «Это наша любимая балерина. Ее выступление — событие». «Попробуйте показать Надю не просто как балерину, а как человека. Как она работает, чем увлекается?» «Говорят, что у Нади все легко получается, так ли это?» «Павлова выступала у нас на заводе. Огромное ей спасибо!» Эти выдержки из читательских писем можно продолжать. Все они — об одном человеке. О Надежде Павловой — талантливой советской балерине, лауреате премии Ленинского комсомола.

только в том, что фуэте с опытом стало отточеннее, а прыжок воздушнее. Не только в этом. А в чем же? А может быть, все дело в повзрослевшей душе? А может быть, в том, что теперь она все чаще по-настоящему беззаботна и счастлива, когда танцует Китри? И что теперь ей все чаще по-настоящему страшно, когда она танцует Фригию?

Конечно, вовсе не обязательно, чтобы балерина и в самом деле холодела от горя, увидев погребшего Спартака. В конце концов всегда можно сделать вид, и этого будет вполне достаточно. «Не мучьте себя, Надюша. Ну это же просто неразумно, поймите же! Вы только посмотрите на себя в зеркало. Будто у вас и в самом деле кто-то умер!»

Прыжку, даже самому воздушному, все-таки научиться гораздо легче, чем сострадания и боли. Добру и ненависти. Быть может, вот чему она училась все эти десять лет?..

Однажды на гастролях во время спектакля какие-то мальчишки умудрились залезть не куда-нибудь, а на софиты, висящие прямо над сценой. И пожарник с грозными фельдфебельскими усами, негодую, сиплым шепотом, настойчиво пытался достать их шваброй. Швабра в связи со столь чрезвычайным происшествием была срочно одолжена у завхоза. Откуда ему было знать, что взбродили папаны на софиты именно потому, что ни из одной, самой удобной лодки не видно слез Жизели. Даже в самый сильный театральный бинокль. А они хотели их увидеть. Вот что пытались безуспешно объяснить грозному пожарнику эти юные балетоманы, ведомые с позором за ухо мимо укоризненно покачивающих

глупости?..» А вечером она позировала художнику.

У него ничего не вышло тогда с эскизом. И не только, впрочем, у него. Не знаю, но у них почему-то ничего с ней не получается. Почему? Кто же его знает — почему... Может быть, он что-то не так делает. Но она старается, поверьте. Сидит спокойно час или два и старается быть сама собой. Это они ей так говорят: будь, Надюша, сама собой, вот и все, что от тебя требуется. А она все и не думает притворяться. Еще чего! И все равно они бросают карандаш и говорят, что у них получается что угодно, но только не Надя Павлова. И смотрят на нее вопросительно. Слово ждуть, что она сейчас объяснит, что же им делать. Чтобы получилось. А она не знает. Ладно, говорят они. Тогда расскажи нам что-нибудь. Из своей жизни. Но что им рассказать? Может, о том, как иногда просыпаешься оттого, что подушка становится горячей от солнца? Как в детстве, помните? И хорошо тогда, и грустно почему-то. Быть может, это и есть счастье — проснуться вот так на солнечной подушке? А может, рассказать о садике перед родительским домиком в Чебоксарах? Он стоит прямо на Волге, этот садик, и всегда казался ей огромным. А однажды ей приснилось, как она летает над ним. Так вот, с высоты он выглядел до слез маленьким.

ВСПОМИНАЮ Людмилу Павловну Сахарову, педагога Нади в Пермском училище: в закатанном по колено трико, подбоченившуюся, озабоченно пристукивающую растоптанной босножкой: «Трам-там-там! Трам-там-там!» «Поздоровайтесь, девочки, с гостем». Девочки-шестиклассницы грациозно выставляют вперед ножки и приседают. А смущенный корреспондент усаживается на низенькую скамеечку и полчаса старательно изучает французский, потому что французский здесь звучит не реже русского: плие, ассамбле, фуэте. «Леночка, не пыжься! Ты знаешь, что такое у человека руки, Леночка?» — вдруг строго спрашивает Сахарова и обращивается ко мне точно за поддержкой. И

вого отопления пуанты, и вспоминаю Леночку. А Сахарова, внимательно прищурившись, понимающе кивает: вас шокировала сцена в классе, молодой человек? Зря. Валет — это всегда характер, дорогой мой. А иначе и быть не может. Характер! Вот чему должна я их учить не с меньшей настойчивостью, чем плие и фуэте.

И, чуть помолчав: «Видели портрет Наденьки в музее училища? Так вот, это не Павлова. Отличный художник. Великолепный художник. Но это не Павлова. Лиричная, воздушная? Да. Но прежде всего — характер. Трудный, негладкий, своенравный, неожиданный, — выбирайте любой эпитет. Но — характер. Не было бы и Надежды Павловой...»

Все вроде бы замечено в этом портрете. И брови «домиком». И чуть ли не прозрачные ключицы. А портрет, считает она, не вышел. Как не выходил потом и у других. Как не выходили и разговоры с «этой странной и упрямой Павловой». Ведь даже когда ее вроде бы удавалось «расшевелить», разговор получался далеко не тот, на который налегали журналисты, приехавшие «за прекрасной Павловой». Все почему-то пыталось выудить что-нибудь этакое в сидящей перед ними девочке с легкомысленным хвостиком. Ну, к примеру, как она в интернате по ночам, тайком от воспитателя, при свете карманного фонарика читала Верлена или Вийона. А она мне говорила, что любит читать приключенческие книжки. Про шпионов. Ну и еще про любовь иногда. Нет, не по ночам. По ночам она спит. Как убитая. Тридцать два фуэте за одно занятие — если это настоящие фуэте — вполне достаточно, что-

